

Аида Аренс-Серебрякова¹

ИСТОРИЯ СТРАНЫ В СУДЬБАХ СЕМЬИ КАМЕНКОВЫХ

Расскажу вам историю жизни моих предков по материнской линии. Семья моего прапрадеда Фёдора Ивановича Хоценкова жила в посёлке Нелидово² Тверской губернии. Город находится в западной части области, в 230-ти км к юго-западу от Твери и в 326-ти км от Москвы, расположен на реке Межа, железнодорожная станция на линии «Москва–Великие Луки» Октябрьской железной дороги.

---

¹ **Аренс-Серебрякова** Аида Михайловна родилась в шахтёрском городке Нелидово Тверской области. После школы в Воркуте в 1998 году окончила Великолукскую гос. сельско-хозяйственную академию, сменила несколько профессий, в том числе работала в редакционно-издательском отделе академии. Прозаик, автор рассказов и романа «Хельга Карловна из города N», частично опубликованного в журнале «Аврора». Блогер интернетовского Живого журнала. Живёт в г. Краснознаменск Московской области.

² В XII веке территория, на которой сейчас находится город, входила в состав Смоленского княжества. В период феодальной раздроблённости земли отошли к Торопецкому княжеству. В середине XIV столетия земли удалось захватить литовским князьям. По договору 1449 года граница Руси с Литвой проходила по реке Межа. Территория будущего города всё ещё подчинялась литовским князьям. В 1708 году территория была включена в состав Смоленской губернии. 11 сентября 1901 года на карте России появилась железнодорожная станция четвёртого класса Нелидово. Своим названием станция обязана старинному дворянскому роду Нелидовых. Сергей Владимирович Нелидов, потомок знаменитого в России дворянского рода, внучатый племянник фрейлины Екатерины Нелидовой, безвозмездно передал земли своего владения под строительство железной дороги. *Цит.* <https://ru.wikipedia.org/wiki/Нелидово>.

Фёдор Иванович Хоценков родился в 1869 году. Его отец Иван Лукьянович Хоценков был очень хорошим сапожником: шил и продавал обувь своего собственного изготовления, даже имел даже лавку в Москве. Его родные сёстры, жившие в Безбожном переулке, занимались изготовлением плетеных воротничков. Фёдор перенял профессию отца — тоже стал сапожником. Прапрадед Фёдор шил шикарную дамскую обувь по самой последней моде. Он очень гордился, что у его отца обувная лавка в Москве. Это была своего рода реклама.

В семейном архиве сохранилась фотография Фёдора Ивановича с товарищами по службе (сидит слева). Снимок примерно 1890–1894 годов.

Рядовые 129-го Бессарабского пехотного полка. У них барашковые шапки образца 1881 года времён правления Александра III и начального периода правления Николая II. Изготовлена полностью в соответствии с приказом для нижних чинов

армейской пехоты. На кокарде лента “За отличие” и государственный герб 94 г.

Сохранилась фотография 1913 года и семьи Фёдора Ивановича.

Александра Егоровна одета в модную на 1913 год узкую юбку, но блуза сшита дома по старым выкройкам 1900-х гг. Накинута на плечи кружевная шаль свидетельствует о следовании традициям народного костюма, а не светского. Это же подтверждает и костюм отца семейства: Фёдор Иванович одет типично для рабочего того времени: двубортный пиджак, ситцевая косоворотка, картуз с лаковым козырьком и брюки, заправленные в сапоги. Его одежда — пример социальной моды того времени. У Фёдора Ивановича на пальце обручальное кольцо, у супруги — браслет на руке. Снимок явно парадный, сделанный «на долгую память».

Старшая дочь супругов — Лидия Фёдоровна Каменкова — моя прабабушка. Она вырастила свою дочь Аиду, внучек и меня — правнучку. Всю историю семьи я знаю непосредственно от неё.

История знакомства прапрадеда Фёдора и прапрабабушки Александры полна романтизма: юный Фёдор спас на пожаре маленькую девочку, а через 18 лет на ней женился. Рассказывая мне о своём детстве и об отце, прабабушка Лида говорила, что родители жили непросто. Часть вины Лида возлагала на мать:

«Нельзя было идти матери нашей замуж за старого! Отец был старше мамы на 18 лет! Даже по тем временам он был очень старомодным человеком, мёртвой хваткой держался за домострой».

Слева от Фёдора Ивановича его супруга Александра Егоровна Каменкова, справа — свояченица. Дети: между отцом и матерью — Василий (1908 год рожд.), справа от отца — Лидия (1907 г. р.), Мария (1910 г. р.), на руках у свояченицы — сын Саша (1912 г. р.).

Семья жила в Нелидово в большом каменном доме. Но экономили на всём, даже редко протапливали все печи — берегли дрова. Отъедались лишь в те редкие дни, когда Фёдор ездил в Польшу закупать товар — особым образом выделанную кожу для обуви. Веру в бога прапрадед вколачивал под иконами шпандырем — сапожным ремнём. Церковные посты он обожал. Даже в старости его дети вспоминали, как отец экономил на всём, заставлял истово молиться. Дети ходили в церковно-приходскую школу, получили лишь начальное образование. У Лидии было закончено 4 класса ЦПП.

Вся семья по-крестьянски ела из одного котелка, лишь у Фёдора Ивановича была своя личная тарелка. Сын Вася сильно плакал и капризничал, и отец разрешил и ему есть из отдельной посуды. Тётка, сестра Александры, жалела племянников, иногда звала их к себе — тайком напоить молоком, сунуть краюху хлеба.

Прабабушка Лидия Фёдоровна часто вспоминала один показательный эпизод из своего детства. Однажды они с братом Васей играли в саду у дома и нашли в земле копеечку. Они обрадовались и побежали в лавочку к старику — китайцу (и тогда в начале XX века в глубинке в Тверской губернии торговали китайцы!), дремавшему среди бумажных зонтиков и расписных вееров, и купили себе свистульку. Сколько радости было! Отец увидел смеющихся детей, допросил и приказал свистульку вернуть, а копеечку принести ему. Дети плакали, но копеечку у китайца выпросили и отцу отдали.

Справа налево: Александра Егоровна, Василий, Лидия, Мария и Александр Каменковы. Фото середины 1930-х годов

Свою жадность прапрадед оправдывал тем, что откладывает деньги в банк на будущее детям. Достоверно известно, что на старших детей были счета в банке с внушительными суммами (по тем временам).

Свою жадность прапрадед оправдывал тем, что откладывает деньги в банк на будущее детям. Достоверно известно, что на старших детей были счета в банке с внушительными суммами (по тем временам).

Фёдор Иванович всё время подчёркивал, что у Лидии будет невероятное приданое, и уж тогда она поймёт, ради чего отец старался. Но революция лишила семью всех сбережений. Выходит, зря голодали. Переворот 1917 года стал для Фёдора роковым: банки национализировали, разводы разрешили. Когда о разводах заговорили даже в провинции, от Фёдора ушла жена Александра, и дети взяли фамилию матери. Многие поступки дети совершали в пику отцу, к примеру, вступали в комсомол, чтобы ему досадить, или делали причёску по самой последней моде. Но старшая дочь Лида, моя прабабушка, не могла его бросить, иногда навещала и помогала. А остальные дети так его и не простили, старались не поддерживать разговоры о нём.

В наши дни трудно дать объективную оценку этому разводу. Одно очевидно: уйти от мужа с четырьмя детьми (10, 8, 6 и 4 лет) Александру Егоровну вынудили обстоятельства. С другой стороны, если бы не было у них привычки к аскетичному образу жизни, пережили бы они голод и войну? Трудно сказать.

О своём решении Александра Егоровна не жалела. В дальнейшем вышла замуж и прожила со вторым мужем тихо и счастливо до глубокой старости.

Расскажу про детей Александры Егоровны Каменковой.

Лидия Фёдоровна Курындина (урожд. Каменкова) (1907–1987) — старшая дочь. В годы Великой Отечественной войны мои предки жили в посёлке Нелидово тогда Калининской (ныне Тверской) области. Их дом располагался у реки Межа. По воспоминаниям моей бабушки Аиды Михайловны Курындиной 8 октября 1941 года посёлок был оккупирован немецкими войсками.

Первоочередной задачей немецкого руководства было восстановление железнодорожного сообщения, а именно — моста через реку Межу, который был взорван отступающими частями Красной Армии. Немецкие офицеры, контролирующие строительство моста, расположились в доме моих предков, выгнав всё семейство (женщин с детьми) в сарай. Работы проводились силами пленных советских солдат, которых почти не кормили, истязали, не оказывали медицинскую помощь; работали они без выходных, с раннего утра до поздней ночи — по 18 часов.

За время оккупации из-за нарушенного железнодорожного сообщения в районе станции Нелидово скопились эшелоны с огромными запасами горючего, продовольствия, боеприпасов. Всё это немецкие войска обязаны были как можно скорее переправить восточнее Нелидова в сторону города Ржева своим частям,двигающимся к Москве. В Нелидово находились отборные части 9-й полевой армии оккупантов, располагавшие большим количеством артиллерии и техники.

В середине января 1942 года работы по возведению железнодорожного моста через Межу завершались. Но к счастью, уже

Семья Курындиных:
Михаил Иванович, мой прадед, Лидия Фёдоровна — прабабушка, их дочь — Аида — моя бабушка

На снимке моя бабушка Аида с двоюродными братьями на пороге своего дома. Май 1941 года. Дети улыбаются, они не знают, что через несколько месяцев в этот дом придут фашисты

21 января 1942 года начался бой за освобождение посёлка. И фашисты не смогли отправить эшелоны в сторону Ржева. 25 января 1942 года Нелидово полностью освободили.

Из Мемуаров Аиды Михайловны Курьиндиной:

«Папа мой дом построил сам. Мы переехали в мае месяце, тепло было, всё цвело. Мы с мамой Лидой делали грядки, разбили цветник, цыплят купили, чтобы я сама ухаживала. Потом война, папа на фронт ушёл, все наши мужчины на фронт

ушли, и братья мамы, и мужья моих тёток. Как мы их провожали, как плакали! Кто бы мне тогда сказал, что папу вижу последний раз, что он под Сталинградом погибнет... Проводили мы их, стали дальше жить, а немцы всё ближе, бомбёжки всё чаще. А потом дом наш сгорел после артобстрела. И мы с мамой пошли жить к бабушке Саше. У неё был хороший дом, просторный, прямо возле реки. Бабушка Саша жила с невесткой Анной и внуком Аликом. За нами к бабушке перебралась и мамина сестра Мария с сыном, и сестра моего отца Рая. Пытались вместе выживать.

Уже в октябре 1941 года Нелидово взяли немцы. Самые лучшие здания из тех, что уцелели, они в первый же день обнесли колючей проволокой, посадили туда своё командование, выбрали из местных старосту и полицаев. На всех дорогах шлагбаумы. Не выйти, не войти без пропуска. И на каждом столбе плакаты и листовки с угрозами расстрела. За что? За нежелание сотрудничать, за связь с партизанами, за то, что идёшь без пропуска, за то, что отец твой на фронте. А значит, можно выстрелить в любого. Девушку из нашей школы расстреляли во дворе дома за то, что у неё был комсомольский билет. Однажды у колодца, где все брали воду, соседка Лиза оттолкнула маму и полезла без очереди: «А ты, Лидочка, теперь со мной поосторожнее, а то старосте скажу, что муж твой Мишка — коммунист. И вас всех — к стенке!». Мама на

ватных ногах до дому дошла и рухнула без чувств. Столько лет прошло, а я по сей день не знаю, откуда такая ненависть. Ведь мы с той соседкой не ругались и не ссорились, здоровались при встрече. За что? Так и не смогла понять.

Мы жили на окраине посёлка, на берегу реки Межа, и вскоре к нам явились немецкие офицеры. Нас выгнали из дома, велели построиться во дворе. “Как тебя зовут? Ваш отец есть коммунист?” Один офицер допрашивал нас по разговорнику на ломаном русском языке. И мама, и тётки, и бабушка по очереди называли свои имена и каждая добавляла: “Нет. Мой муж не коммунист”, — а немцы хохотали. Мы стояли перед ними навытяжку и не знали, что же будет дальше, может, нас сразу, тут же во дворе, расстреляют. Потом дошла очередь до меня. Я из детей была самая старшая и самая высокая, потому меня первую и спросили. Мы в школе немецкий учили, я и сказала по-немецки, что меня зовут Аида. Они не поверили. Ругались, требовали наши документы, приказали своему переводчику проверить, что там на самом деле написано. Он кивает: “Всё верно. Аида”. А у них в разговорнике не было такого варианта, — бабушка улыбнулась. — Тоня, Маня, Таня было, а Аида не было. Что тут началось! Они ахали, смеялись, пожимали плечами и всё спрашивали маму: “Но почему вы так её называли?” Мама ответила, что пластинку слушала с записью оперы “Аида”. “Вы знаете оперу? Покажите пластинку!” — потребовали офицеры. — “Не могу, — отвечает мама. — Вы мой дом сожгли вместе с пластинкой”. — “А кто же оперу написал?” — снова экзаменуют. — “Эту оперу написал композитор Джузеппе Верди”. И вот здесь что-то произошло. Пусть на минуту, но мы стали для них людьми, а не дикарями, как им втолковывал Гитлер.

Почему меня так называли? Дело не только в любви к музыке. У моей мамы было до меня трое детей. Все в младенчестве умирали. Вот ей какая-то бабка и посоветовала, что надо называть ребёнка необычным именем, чтобы Смерть запутать. Придёт Смерть за Маней, а ты ей в ответ: “У нас Мани нет!”. Станет Смерть думать и гадать, имена называть, да где ей догадаться, что здесь Аида. Как видите, сработало.

А дальше мы поняли, что эти немцы были офицерами инженерных войск, по сути, гражданские люди в форме, не каратели. Их прислали на нашу станцию для восстановления железнодорожного моста, который наши взорвали, когда отступали. До Москвы оставалось всего триста шестьдесят пять километров, а тут какая-то речка мешает! У нашей станции скопились огромные эшелоны с запасами топлива, продовольствия, боеприпасов.

И виден локоть, да не укусишь! Вот они и работали целыми днями со своими чертежами в нашем доме — он ведь самый близкий был к реке. А нас... нас из дома в сарай выгнали, заставили прислуживать: воду таскать, дрова колоть, печи топить, стирать, готовить. Просто повезло, что сено у нас было запасено. В сено зарывались по ночам, потому и выжили.

Мост строили пленные солдаты, наши, советские, их каждый день под конвоем гнали на работу. Держали их на территории бывших колхозных складов, не лечили, кормили отбросами, за попытку побега расстреливали на месте. Многие люди пытались им помогать — приносили бинты, еду и одежду, но конвоиры всё это отбирали. Тогда моя бабушка Александра Егоровна кое-что придумала. Она с ночи опару ставила, на заре будила дочек, и они начинали готовить. Все дружно пекли хлеб и накрывали стол, а потом, когда “квартиранты” поедят, они умоляли самого главного офицера разрешить покормить пленных. Он мог разрешить, а мог и запретить. Мы ходили каждый день к той дороге, где пленных гнали, и старались им сунуть краюху хлеба или картошку. Один раз, когда моя тётя Мария передавала хлеб, конвойный стал отгонять людей прикладом, а потом дал очередь в толпу... Мария чудом осталась в живых, пуля просвистела у виска. Но люди всё равно приходили... Позднее мы узнали, что всех военнопленных повезли в Торопец, но до города не довезли — расстреляли на берегу реки Межа, между Большой и Малой Каменками. Только после освобождения посёлка их тела были перезахоронены в братскую могилу у деревни Каменка.

Старшие с самого утра до поздней ночи по хозяйству хлопотали, а мы в сарае прятались, старались лишний раз немцам на глаза не попадаться, только в сумерках по нужде выходили. Они нас в первый день проверили и забыли. В сарай к нам не заходили. Относились к нам, как к мебели. Так целый месяц прошёл, а в конце декабря фашисты совсем покой потеряли, спать — есть перестали, пленных запретили кормить, только рявкали на нас. Думали они только про мост, боялись под трибунал попасть из-за задержки, всё ждали, когда им специальные заклёпки особо прочные привезут, в заклёпках было всё дело... Это я поняла, когда их разговоры слышала. Поняли мы тогда, что со дня на день мост достроят, а значит, пойдут немецкие эшелоны на Москву. Такой ужас нас обуял, девочки, я вам передать не могу! Стали мы думать, как нам потихоньку в лес к партизанам уйти, чтобы про мост рассказать, а тут как нарочно во дворе ординарцы немецкие дежурят. Да только бабушка Саша нас бы не пустила. Только

молиться оставалось, чтобы заклёпки эти проклятые пропали, а ещё лучше, чтобы партизаны мост взорвали. А мой кузен Эрик сказал, что лучше, чтобы мост остался, и нас всех освободили, может же быть такое новогоднее желание. Вот мы и желали это особое желание с ночи и до утра, а ещё сказки младшенькому брату Алику рассказывали. Ну, не могли же мы ему про мост и партизан рассказать, он же маленький совсем был, мог случайно проговориться. Время шло медленно — медленно, невыносимо! Но заклёпки всё-таки привезли, мост достроили, даже проверили — паровоз по мосту туда-сюда раза четыре прогнали... А ночью 21 января наши пошли в наступление и освободили нас!

Сколько было радости, когда нас освободили! Наши сразу же устроили госпиталь для раненых, а местные жители, ну и мы, ясное дело, пошли помогать. Голодали, мёрзли всё время, а, поди ж ты, каждую минуту пели и смеялись. Словно вчера это было... Вы бы знали, девочки, какую боль вынесли люди, какую ненависть они испытывали к немцам! Ведь находились такие, кто требовал “фашистский мост” над Межой взорвать! Дескать, возводили его под немецким руководством да по немецким чертежам. Так ведь наши пленные строили! Потому он и стоит по сей день.

Посёлок наш был стёрт с лица земли. Только несколько домов осталось, люди в землянках жили. А что нам оставалось? Всё восстанавливать и ждать. Вот мы и ждали. Вестей с фронта, писем от папы... Потом пришла к нам в дом великая радость — два маминых брата, Василий и Александр, вернулись домой! Бабушке Саше все женщины — солдатки кланялись, старались её обнять, вроде как набраться удачи. В глаза и за глаза величали “Счастливая Саша”: два сына раненые, но живые! Две дочки оккупацию, голод и тиф пережили... А от папы не было вестей. Дядя Вася по маминой просьбе посылал запросы, куда только мог. И мы надеялись на чудо, ждали, писали по всем инстанциям, пока, наконец, не попало к нам письмо от папиного командира. До сих пор помню, небольшой листок бумаги, почему-то ядовито-пурпурный, а на нём всего несколько строк чёрными чернилами: “На Ваше письмо сообщая, что муж Ваш убит 26 сентября 1942 года. О том послано извещение Военкомату Нелидово. Больше сообщить ничего не могу” — дальше дата, подпись и адрес полевой почты. Так в тридцать девять лет мама стала вдовой. Но она всё равно ждала.

А в августе сорок шестого года принесли нам с мамой похоронку: “Извещаем, что Ваш муж Курындин Михаил Иванович пропал без вести под Сталинградом”. Мама не поверила, что он погиб, и мне не позволила верить. Он же мог быть ранен, контужен,

память потерял, в госпитале лежит... Замуж звали её, и не раз, но она так и не вышла...»

В похоронке было написано «пропал без вести», поэтому пенсии как вдова солдата Лидия Фёдоровна не добилась. Всю жизнь она работала билетёром в кинотеатре, получала мизерную пенсию — 54 рубля. Жила в частном доме на окраине города на берегу реки Межа. Жила скромно, но достойно. Лидия Фёдоровна умерла в 1987 году, на 45 лет пережив мужа.

От её мужа, моего прадеда, Михаила Ивановича Курындина (1907–1942) осталось несколько фотографий и устное предание. Замуж за него Лидия Фёдоровна вышла по любви, презрев расчёт. Её отец, Фёдор Иванович Хоценков, данный выбор не одобрял. Жених был нищим, да ещё и конкурентом — сапожником. Брак не венчанный, молодые просто «записались» в ЗАГСе. Жили хорошо, но была одна беда — дети. Трое детей Лидии и Михаила умерли в младенчестве, выжила только последняя девочка — Аида (моя бабушка по линии матери).

Прабабушка рассказывала, что в тридцатых годах на прадеда написали донос, в котором утверждалось, что Михаил Курындин — китайский шпион. Вспыльчивый нрав сапожников вошёл в поговорку, и Михаил Курындин эту поговорку подтвердил. Он не стал ждать милостей судьбы, сразу же после доноса добился очной ставки с клеветником. В назначенный день он напился до полусмерти, в непотребном состоянии явился в милицию и закатил такой скандал, что представители власти сделали вывод: «Китаец на это не способен. Так буянить может только русский!».

Косвенное подтверждение данной семейной легенды нашлось в архивах, опубликованных на сайте «Книга памяти Калининской области»³.

³ <https://bessmertnybarak.ru/books/person/226503/>.

Михаил Иванович был участником Советско-финской войны 1939-1940 годов. Прабабушка рассказывала, что он сразу же записался добровольцем, прощаясь, сказал ей буквально следующее: «Ты не переживай, я с этой войны вернусь!». И вернулся.

О нападении Германии супруги Курындины узнали рано утром 22 июня 1941 года. Лидия хлопотала по хозяйству, Михаил во дворе рубил дрова. Мимо их дома по улице пробежал сосед с диким криком: «Война! Война началась!». Услышав это, Михаил выронил топор из рук. Он сразу же пошёл в поселковый совет и записался добровольцем на фронт, но в этот раз ничего жене не обещал.

Фотографии Михаила Ивановича.

Михаил Курындин в центре с мячом, рядом его брат Иван. Город Гжатск (ныне Гагарин).

На обороте надпись:
«19 июня 1925 года. 5 : 0
в пользу Нелидово!»

Справа: первый ряд —
Лидия Фёдоровна
Курындина, рядом её
дочь Аида (6 лет), над
ними склонился Михаил
Иванович Курындин. Город
Белый 15.08.1934 г.

Лидии Фёдоровне на снимке 27 лет. Довольно редко на снимках 30-х годов можно видеть украшения у женщин. На то были идеологические причины, не только недостаток средств. А тут и бусы, и брошь. Любовь к аксессуарам она сохранила на всю жизнь.

В гардеробе прабабушки было немного платьев, но к каждому наряду были тщательно подобраны бусы и броши. Она не могла выйти «в люди», не подведя брови и не подкрасив губы.

16 лет спустя оба футболиста двадцать пятых годов погибнут на фронтах Великой Отечественной. Последнее письмо Михаила Ивановича сохранилось. Он писал: *«Лида! Пишу три письма сразу. Два на Маню, и одно на тебя. Недавно я послал одно письмо, не знаю, получили Вы его или нет. Пишите всё подробно, тогда я отпишу. Сейчас я нахожусь на курсах ср. Комсостава. Москва 81. п/д №3715. 18 июня. Михаил. Целую Вас. Обними Аиду»*. На ветхом листе бумаги есть приписка детским почерком: *«Последнее письмо папы с фронта»*.

Я читала записочку, узнавая в завитках, начертанных рукой прадеда, характерные особенности бабушкиного и маминого почерка, и ощущала горечь утраты. Полуистёртые карандашные строчки на клочке бумаги, и фраза в самом конце, перед подписью — *«Целую Вас...»* — болью отозвалась в сердце.

Говорят, пока не похоронен последний солдат, война не окончена, война продолжается. Я держу письмо с фронта в руках, а он, мой прадед Михаил, так и не узнает, что жена Лида будет ждать его всю жизнь. А проживёт она 80 лет и 15 дней... Он не узнает, что я появлюсь на свет, и буду носить такое же имя, как и его дочь, а его слова «Обними Аиду» согреют меня через много-много лет...

***

В мемуарах бабушки меня заинтересовала дата освобождения посёлка — 25 января 1942 года. Дело в том, что Нелидово расположено западнее города Ржева (расстояние около 103-х км), который был освобождён от немецко-фашистских захватчиков в марте 1943 года.

Закономерные вопросы: Не могла ли моя бабушка ошибиться? Так ли важен был мост через Межу? Верна ли её оценка ситуации?

Из книги «В начале войны» Героя Советского Союза, Героя Чехословакии, Маршала Советского Союза Андрея Ивановича Ерёмко: «На левом фланге армии 332-я стрелковая дивизия, уничтожая мелкие группы противника (остатки 253-й пехотной дивизии), двигалась на Романово и 29 января вышла в район Рудни. Ещё 23 января я приказал командиру 334-й дивизии выйти в район поселка Земцы и выделить для овладения Нелидовом усиленный стрелковый батальон.

Дело в том, что в Нелидово были обнаружены эшелоны противника. Разведка дивизии установила, что посёлок занят не менее чем полком противника. Ясно, что при этих условиях необходим был удар по Нелидово силами всей дивизии. Я дал на это согласие. 24 января дивизия вышла к Нелидово. Общая численность гитлеровского гарнизона в Нелидово достигла 3 тыс. человек.

В ночь на 25 января группа партизан проникла в Нелидово и сумела вызвать панику во вражеских подразделениях. Это помогло дивизии уже к 10 часам утра захватить Нелидово. Здесь было взято три железнодорожных эшелона, 300 автомашин, 11 орудий, продовольственные склады и много других трофеев.

Оставив в Нелидово до подхода 22-й армии (в полосу наступления которой входил этот населённый пункт) один батальон, 334-я стрелковая дивизия вышла во второй эшелон армии и к 29 января сосредоточилась в районе Ильино, Соковичино».

Приведу ещё несколько цитат из мемуаров непосредственных участников боёв по освобождению Нелидово. Бывший начальника штаба 334-й стрелковой дивизии. Ю.З. Новиков вспоминал: «На станции захвачены 2 паровоза, 82 железнодорожных вагона и другое имущество, а также много пленных. Потери немцев были велики, потребовалось три дня, чтобы с помощью населения очистить город от трупов. Потери частей нашей дивизии незначительны.

Вечером 25 января 1942 года Совинформбюро передавало по радио: «В результате упорных боёв наши части вновь продвинулись вперёд, заняли несколько населённых пунктов и в их числе Нелидово на железнодорожной магистрали Ржев–Великие Луки»⁴.

⁴ Побочный В. Ржевско-вяземские бои (08.01–28.02.1942 г.). Ч. 1.

Из личного архива профессора, доктора наук и офицера штаба армии Ивана Ионенко: «Наша дивизия была неплохо укомплектована. Вот цифры, известные мне, как офицеру штаба. Всего людей — 11826 человек. Около трети были выходцами из Татарии, а по социальному происхождению подавляющее большинство — крестьяне.

Утром 9 января, как и было приказано, наши войска перешли в наступление. Началась Торопецкая операция. В ночь на 24 января дивизия вышла к железнодорожной станции Нелидово и начала за нее бой. Замысел нашего командования заключался во внезапных концентрированных ударах по противнику. Он полностью удался. Немцы просто не ожидали столь быстрого выхода наших войск к Нелидову по глубокой снежной целине и незамёрзшим болотам. К наступлению ранних зимних сумерек посёлок и станция были окружены, а к утру сопротивление врага сломлено окончательно. Это был крупный успех нашей дивизии. На станции скопилось несколько эшелонов противника с техникой и продовольствием, на аэродроме находилось свыше десятка немецких самолётов. Сам посёлок обороняли более трёх тысяч гитлеровцев. О взятии Нелидова 25 января сообщило Совинформбюро, а уже утром 26-го дивизия продолжила наступление к городу Велижу»⁵.

* * *

Василий Каменков (1908–1986) — брат моей прабабушки добровольцем ушёл на Великую Отечественную войну. Был артиллеристом, старший сержант, в РККА с 1941-го года. В начале 1942-го года получил тяжёлое осколочное ранение коленного сустава. Врачи боялись, что начнётся гангрена, и хотели ампутировать ногу. Он отказался: «У меня дома жена молодая! Вы что с ума сошли!». По счастливому стечению обстоятельств в госпитале, где находился Василий, работал профессор Вишневский. Профессор предложил упрямому пациенту испытать новое лекарство. Василий согласился: «Давайте, только ногу сохраните!». Мазь помогла. Профессор долгое время возил Василия по госпиталям, как наглядный пример успешного лечения. Теперь «Мазь Вишневского» известна всем. Ногу Василию спасли, но он всю жизнь испытывал боль, до самой смерти из ран выходили осколки металла.

Полагаю, что снимок сделан по очень важному поводу, — может быть, в день свадьбы. Даже счастливая минута в кадр попала — на часах 14-50. Больше на фронт он не попал. Вернулся

---

⁵ Материалы личного архива И.М. Ионенко. Газета *Республика Татарстан*.

Василий и он же со своей женой Анной, к которой так хотел вернуться на обеих ногах

в Нелидово, строил, а потом был директором кинотеатра, потом в нём был городской Дом пионеров. У Василия и Анны после войны родились трое детей: Валентина, Татьяна и Александр.

Александр Фёдорович Каменков (1912–1989) — младший сын в юности уехал в Ленинград, откуда и был призван на фронт. Его супруга Ольга с детьми оставалась в Ленинграде. Дети Александра Фёдоровича — Градислава и Константин — через несколько месяцев после начала блокады были эвакуированы по Дороге Жизни. А затем их доставили в город Рославль, где они и находились до окончания войны. Его супруга Ольга Поликарповна какое-то время работала в столовой, а потом также была эвакуирована.

Александр Васильевич служил шофёром батареи, был дважды ранен, участвовал в обороне Ленинграда, награждён Медалью «За отвагу» и за «Оборону Ленинграда».

Мария Фёдоровна Каменкова (1910–1998) пережила Великую Отечественную войну, оккупацию и непростые послевоенные годы. Была превосходной портнихой, обшивала всех родственников и знакомых. Умерла в конце 90-х в окружении родных и близких.

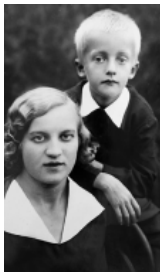
А.Е. Каменкова и Ф.И. Хоценков нашли свой последний приют на старом кладбище в Нелидово.

Награды Василия Каменкова

Ольга.
1940 год

Мария с
сыном
Эрнестом

Александр Фёдорович с женой
и детьми после войны

Детский сад в Ленинграде. Девочка
в первом ряду справа от медведя
Градислава Каменкова

6. Шифер 6-й батальон сержант К А М Е Н К О В А, Александр Федорович
за то, что он в боях имел подотпушек в гор. Рига, под Осолмуш, Огье и Ло-
беле с 20-го сентября по 1-ое ноября 1944 года освоил самоотверженно и
работой обеспечил современную доставку боеприпасов на огневые пози-
ции, а так же и орудий, благодаря чему батальон подна бьма всегда в бое-
вой готовности. В боевых условиях проявил отвагу и мужество.
1912г. рождения, беспартийный, русский, призван в КА Ленин-
ским ЗВК гор. Ленинграда, в Архиве армии с 1941 года.
Гавая два раза в 1942 и 1943г. Награжден медалью "ЗА ОБО-
РОНУ ЛЕНИНГРАДА". Домашний адрес:

Первый ряд слева:
Александра Егоровна,
внук Костя,
сын Александр;
второй ряд: внучка
Аида (моя бабушка),
жена Александра
Ольга Поликарповна

Работа с семейным архивом помогла мне понять очень простую, но вместе с тем важную мысль. В боях и сражениях Великой Отечественной войны не было важных или неважных «высот», каждая станция, каждый город, каждая пядь родной земли для советского народа была священна, и её необходимо было освободить любой ценой. Именно поэтому каждый подорванный на пути фашистов мост, каждый день и даже час их задержки на пути к Москве имел огромное значение.

Вот уже 81 год над рекой Межой стоит мост, по которому проходят поезда в разные города России. Для меня этот мост не просто часть железнодорожного полотна. Мост над Межой — памятник всем советским людям, жившим в непростое военное время сороковых годов XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Второй Мировой войны 1939–1945. В 12 т. Т. 4. Фашистская агрессия против СССР. Крах стратегии «молниеносной войны». Ред. колл.: Н.Г. Андроников (гл. ред.) и др. М.: Воениздат, 1975. 536 с.: ил., карт.
2. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2 т. Т. 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 415 с., ил. ISBN 5-224-03195-8 (общ.) ISBN 5-224-03196-6 (т. 1).
3. Ерёменко А.И. В начале войны. М.: «Наука», 1965. 510 стр. с илл.; доп. тир. 5000 экз.
4. Материалы личного архива Ионенко И.М. Источник: <https://rt-online.ru/p-rubr-obsh-37738/> © Газета Республика Татарстан.
5. Майоров Н.П. «Война над Нелидовом». Источник: Официальный сайт Нелидово <http://nelidovo.su/>
6. Побочный. В.И. Антонова Л.А. Ржевско-вяземские бои (08.01-28.02.1942 г.) Часть 1. 2015.
7. Бондаренко А.Ю., Ефимов Н.Н. Москва на линии фронта // Вече. 2012. С. 128.
8. Личный архив семьи Арнс-Серебряковых.

Московская область, г. Краснознаменск